

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 134, 137, 140, 145, 148, 151, 154, 157, 160, 164, 166 (2010 г.), 7, 10, 13, 16, 19, 21, 24, 27, 30, 36, 39, 43.

Теледива из пены морской

«Самбурьев и иже с ним по преимуществу краснобайствовали о человеколюбии, мы же создаем социалистическую службу человечности».

«На моей памяти много лет подряд восславлялся трудовой героизм и почти не воспевалось доблестное самоограничение народа, преодолевавшего безмерные тяготы быта. Социальный план предусматривает трудовой энтузиазм, базирующийся на творчестве и не понуждающий к жертвенности (за исключением ситуаций государственной необходимости, а также обстоятельств бедственно-стихийных) и за быт, ограждающий от страданий и кристаллизующий чувство счастья».

«Руководящие принципы качаются между двумя типологическими полюсами: автократией и демократией».

«Между провозглашением принципов и их осуществлением случаются расстояния как от галактики и до галактики».

«Лицо Ситчикова начисто лишено археологических отложений сановности».

«Он боится лично, как энцефалита».

«Меня бранят альтруистом, будто бы альтруизм не самопожертвование вне корысти и тщеславия, а нечто вроде алкогольного индивидуализма».

«Люди, каких пришлось наблюдать, отличались стремлением к единовластию, к инерции, к прямо-таки альпинистской страховке собственного положения, к эскалации личных благ, к пожизненному сохранению должности как наследственного капитала и поместия».

«Молодежь у нас пользуется преимущественным правом на романтику лишений».

«Моральные устои детской чистоты редко кто доносит в душе к последнему финишу».

«У директора комбината Самбурьева делегация журналистов и литераторов. Он вспышкотно пускается перед нами.

Испокон веку металлургия считалась нерентабельной. А тут фантастическое достижение: два миллиарда рублей чистой прибыли! Среди нас была теледива. Природа иногда шалит: вытаскивает в жизнь, как Венеру из пены морской, раскрасавицу по-мужски умных. Но их ум словно бы действует за солнечной дымкой инфантильной женственности, так что не всегда и разберешь, детское ли это озарение или мудрость, окутанная непроизвольным кокетством. Теледива и спрашивает потогонщика, отодвигая со щек русалочки волосы: «Сколько вы тратите в году на культуру?» Тот дергается плечом и головой, и отвечает: «На социально-культурные мероприятия мы отводим пять миллионов рублей». – «Пять миллионов?!» – полувопросит, полуудивляется теледива. Опять отодвигает длиннющие волосы, оригинально так, пятами.

Наступает такая тишина, будто бы преступник, за недоказанность считающийся невинным, внезапно предался саморазоблачению».

Зачем ускорять людей

«Я, грит, подбираю быструю и бравую музыку, дабы сократить момент вратываемости. Вы, мол, приходите к прессам иной раз без настроения: ребенок уросил, муж сердился, кошки на сердце скребут по неизвестной причине. Работаете вяло, без охоты. Музыка бодрость придаст, взвеселит, дело спорится. Настораживает что? Ускорение нашим чувствам. Космический корабль ускоряют – ему

Федор Панферов – знаменитый романист, главный редактор журнала «Октябрь»

кстати: быстрее на орбиту выскочит. Нас-то, людей, зачем ускорять? Натурально наши чувства должны развиваться. Музыка выходит, как погонялка-хворостина. Плетка, хоть музыкальная, она плетка. Кто исследует и внедряет функциональную музыку, прикрывается соображениями человечности. Простофили мы, уши развесим, губы отклячим, чему-чему не верим.

– Доверчивость, Анна Полуэктовна, лучше подозрительности.

– Доверчивость? Эге, нет. Ко мне с подозрением, а я что, распахиваться... Меня обводят вокруг пальца, а я осторожность не соблюдаю, бдительность? Извините, фигушки».

«Кислородность крови указывает на мое крайнее утомление».

«Край падения – уйти в отставку по собственному желанию».

«Умеренность предпочитают безрассудству».

«Душевная чистота бережет чистоту облика».

«Вчера Ситчиков заходил ко мне в номер. Занес книгу Николая Константиновича Рериха «Нерушимое». Он исповедует Рериха. В нем он ценит про- светителя, великого патриота России, защитника сокровищ мировой культуры, мыслителя, поэта, живописца, путешественника, влюбленного в Азию гор, и особенно в Индию. Часто Ситчиков говорит о цельности и чистоте. Курение и выпивку он презирает: узаконенные разновидности пагубы, безнравственности, индивидуального и общественного расточительства. Жизнь для него – служение, то есть радостная отдача своих сил, сердца, духа высшим идеалам. Теперь он приступает к созданию карт социального развития каждого отдельно взятого труженика».

«Двоедушие – товар ходкий».

«Умеет ваш брат, щелкопер, нашего брата, бюрократа-технократа, а тайно, плутократа, публично взорвать. На нас производство держится. Вы же – наскребете фактиков – и ну садить из всех калибров. Вы в создании общественного продукта не участвуете».

Первичная производительность

«Что для него печать? Подчинительно. Легко обуздывается. На редкость изощрен в скручивании голов. Субъективная неприязнь уходит за масштабы отрасли. Представь себе,

его бесит, что постановка социалистической службы на «Двигателе» (служба человечности!) рождает активных последователей. Ему лишь бы давай-давай миллионы тонн руды, агломерата, кокса, чугуна, стали, проката. Продукт для него первичен, человек – вторичен».

– Неужели производительность труда он ставит выше народа?

– Производительность труда первична, народ – вторичен.

Текст выступления, перед телезаписью монолога, я отдал редакторше, она передала его цензору. В чем-то он мог не совпадать с произнесенным. Сохранены честность и правда. Там, где я произносил светлую честность и положительную правду, в них, обоих, зримо угадывались довольство, бестревожность. Там же, где честность шла горевая, безотрадная, а правда прискорбная, обещающая продолжение надрыва, катастроф, они пугались, мрачнели.

Успокаивая их, смиряя, увеличивая гражданскую прочность, я прочел конец главы «Огни Сибири» из поэмы «За далью – даль» Александра Твардовского:

*Мне дорог мир, большой и трудный,
Я в нем – моей Отчизны сын.*

*Я полон с ней мечтою чудной –
Дойти до избранных вершин.*

*Я до конца в походе с нею,
И мне все тяготы легки.*

*Я всех врагов ее сильнее:
Ее враги – мои враги.*

*Да, я причастен гордой силе,
И в этом мире – богатырь
С тобой, Москва, с тобой, Россия,
С тобою, звездная Сибирь!*

*Совсем – без края, без предела,
С чем людям жить и счастью быть.
Люблю! И что со мною ни делай,
А мне уже не разлюбить.*

*И той любви надежной мерой
Мне мерить жизнь и смерть до дна.*

*И нет на свете большей веры,
Что сердцу может быть дана.*

Рекомендован в Союз писателей СССР

И все-таки перестали меня приглашать на телевидение, невзирая на то, что Сергей Баруздин планировал цикл моих урбанистических передач.

Что же касается того, что якобы москвичей-писателей будоражили вопросы после моего приезда в столицу: «Откуда он взялся, что написал?..» – то это – бред собачий. Я начал печататься с момента учения в Литературном институте: 1948-й год, «Литературная газета».

Скандал с моей защитой (диплом: первая часть повести «Испытание на прочность»), в чем были задействованы, так или иначе, кроме руководителей Литинститута, Фатеева П. С., Смирнова В. А., еще и писатели и профессора – К. Г. Паустовский, В. П. Катаев, Н. И. Замоскин, Б. В. Бедный, Н. С. Евдокимов, В. Н. Иванов, В. Ф. Асмус, Г. Н. Пospelов, а также студенты, но уже писатели – Л. Д. Кривошеков, Г. Куренев (Хейфец Григорий Самойлович), Г. Тимченко, А. В. Чехов, В. Г. Корнилов, В. Кривенченко. Все это разошлось зацепистыми кругами по зеркалу сознания столичных прозаиков, поэтов, критиков, ученых, причастных литературоведению...

В 1954 году я опубликовал три рассказа в журнале «Огонек», выходившем миллионными тиражами. Рассказ «Кассирша» обрел знаменитость: невыразимого обаяния героиня, лихо закрученный сюжет, строительство новейшей ГЭС – Обской, тема денег, которую тогда боялись затрагивать даже смелые очеркисты.

1955 год. Библиотека журнала «Огонек» опубликовала книгу моих рассказов под общим названием «Кассирша».

1956 год. Я – участник III Всесоюзного совещания молодых писателей. Руководители семинаров и почетные гости – самые имени-

тые и зрелые языкотворцы. Мне, единственному из семинаристов, предоставили слово на заключительном заседании в Колонном зале Дома Союзов. Всесоюзное совещание рекомендовало меня в Союз писателей СССР, что подкрепили написанные там же рекомендации: Бориса Бедного, Валентина Катаева, Павла Нилина. И в том же году секретариат Союза писателей СССР принял меня в свои ряды. И Василию Смирнову, который не мог забыть мою литинститутскую непокорность (история с деньгами для студентов), тогда заменявшего генерального секретаря СП Александра Фадеева – он находился в Магнитогорске, пришлось вручать мне членский билет из правительственной ложи.

Мужественная честность

Счастье этого года продолжалось выходом моей второй книги рассказов: «Весенней порой», Среднеуральское издательство. Руководительница свердловской писательской организации – Ольга Маркова – приветствовала ее яркоцветной статьей в газете «Уральский рабочий». Ранее журнал «Октябрь», главный редактор – знаменитый романист Федор Панферов, принял к печати два моих рассказа, отобранных его первым заместителем, благороднейшим критиком и радетеlem начинающих литераторов Николаем Замоскиным. Каким-то образом к Панферову попала верстка книги «Весенней порой», он познакомился с ней и поручил члену редколлегии, широко известному прозаику Семену Бабаевскому, находившемуся в чести у читателей и вождей, восславить мои рассказы, что тот и сделал. А меня Федор Иванович Панферов вызвал с Магнитки для личного знакомства.

Журнал «Октябрь» помещался в изначальном здании издательства «Правда», на третьем, вроде, этаже. Вздутая линолеума, которым был покрыт пол, заставляла идти по коридору несколько ошупью. Еще вдалеке от кабинета главного редактора я услышал ораторски полированный голос, доносившийся из приоткрытой двери. Остановился возле нее. Поразила дерзости сопоставления: Александр Бек и его жена до того любили рабочий класс, что способны зализать его до смерти. Так крысы любили своих детенышей, что зализывают их до смерти.

Я заглянул в прогал. Залик. Оратор где-то слева. Людская насыщенность. Узнал раскид седой мерцающей шевелюры на голове моего друга Николая Евдокимова. Рядом с ним подворялся изящного благородства лицо Ольги Михайловны Румянцевой, заведующей отдела прозы. Она миглом выскользнула из залика и тут же известила обо мне Панферова. Он извинился перед слушателями и вышел ко мне. На бледных щеках розовел румянец. Когда полотняно-белый от возраста и износа человек пылко выступает, щеки прожигают таким румянцем. Я не успел унять улыбку, вызванную его крысиным сравнением, и вынужден был спросить, в самом ли деле родительские чувства крыс настолько убийственны. Он кивнул, мы поручались, через минуту очутились в кабинете, полном солнечного воздуха. Окна были распахнуты.

Эта солнечность, вероятно, передалась ему. Или я, автор «Весенней поры», соответствовал тому образу, который у него создался при чтении. От себя, от Замоскина, от Евдокимова, от Румянцевой, Бабаевского он похвалил мои рассказы и те, которые печатались в «Огоньке», и те, которые находились в книге. Особо указал на свежесть жизненного материала, при разносторонности народной среды: деревенских знаю, городских тоже, как рабочих, так и образованных, – от инженерии до учительства. Национальными меньшинствами интересуюсь, крупно их пишу, ярче других – башкирцев. Все это дается мне удачно, благодаря стремлению к правде и мужественной честности. Нет художества, нет духовности без морали, которая держится на правде – чести народа, на любви к природе и человечеству, на вере в счастливое грядущее ☺

Продолжение следует

> Нет художества, нет духовности без морали, которая держится на правде – чести народа